

УДК 811.161.2+81'443

ТЕОРИЯ АНАЛИТИЗАЦИИ И РУССКИЙ ПАДЕЖ

Дубовая Е. А.

Черноморский государственный университет им. Петра Могилы, г. Николаев

В статье доказывается, что падежно-числовое формобразование представляет собой фрагмент с устойчивыми синтетическими свойствами в морфологической системе русского языка. Сокращение количества падежных флексий, преодоление омонимии падежно-числовых формоделей, ограниченность формоделей с нулевыми флексиями – все это оценивается как результаты реструктуризации системы синтетического субстантивного формобразования. Несклоняемые существительные не обнаруживают функциональной полноценности и не могут быть признаны явлением, определяющим перспективы типологических изменений в системе синтетического субстантивного формобразования.

Ключевые слова: аналитизм, падежно-числовое формобразование, несклоняемые существительные, синтетизм, формоделитель.

Постановка проблемы. В исследованиях эволюционных процессов, затрагивающих субстантивное падежное формобразование в славянских языках, и в частности в русском, нередко обнаруживается диагностически-прогностическое содержание. Славянскому падежному (точнее – падежно-числовому) формобразованию ставится неутешительный диагноз: ослабленность функционально-семантических возможностей у субстантивных флексий. На этом основании определяется прогноз, деликатно именуемый редукцией падежной морфемы [13, с. 219], и перспектива аналитизации падежной системы.

Обзор научной литературы. Падежная флексия как тип синтетического форманта считается дематериализуемой частью словоформы вследствие сокращения общего количества флексий, сокращения количества материально дифференцированных флексий (явления омонимии, нулевых флексий) вплоть до полного их отсутствия (несклоняемые существительные) [4, с. 15-19; 5, с. 146-147; 11, с. 61; 15, с. 99-100; 16, с. 247-248; 20, с. 12-14, 67, 90-91, 102; 21, с. 194-195]. Вместе с этим усиление аналитичности усматривается в преобладании предложной и/или контекстуальной реализации релятивной семантики [3, с. 27-29; 5, с. 544-548; 6, с. 184-185, 195-203; 12, с. 427-428; 13, с. 217-219 и др.].

Несмотря на то, что идея аналитизации славянского падежа приобрела в лингвистике определенную популярность, эта идея вызывает критические оценки, основанные на убедительной аргументации [1, с. 31-32; 14, с. 83; 19, с. 45-46; 22, с. 173-178]. Хотя критические замечания в основном касаются отношений падежных флексий и предлогов, аналитизационная концепция представляется сомнительной и в том ее фрагменте, в котором рассматривается перспектива утраты падежных флексий. И коль скоро прогнозируемая утрата флексий оказывается столь

сомнительной, то объективен ли тот трагический диагноз, который поставлен славянской падежной флексии? А в общем: как же все-таки обстоят дела у падежа?

Цель статьи – определить системные особенности падежного формообразования имен существительных в русском языке.

Приступая к анализу синтетического падежного формообразования, следует учесть, что флексия, как любой другой синтетический или аналитический форматив, не является единицей, достаточной для репрезентации формообразования, поскольку не существует самостоятельно, а обязательно обнаруживает взаимообусловленные связи с определенной основой и вместе с этой основой входит в состав самодостаточных в формообразовательном плане единиц – словоформ и формомоделей. Определение системных особенностей падежного формообразования может обеспечить анализ, производимый с помощью формомодели – единицы-конструкта, которая обладает достаточным обобщающим потенциалом, представляя стандартные модели формообразования, в соответствии с которыми образуются и идентифицируются полноценные единицы аспекта наблюдения – словоформы. Формомодель представляет собой абстрактную единицу с бинарной структурно-семантической организацией и состоит из объединенных по принципу взаимообусловленной связи функционально дифференцированных структурных компонентов: абстрактно представленной лексической основы и конкретно представленного форматива (подробнее см.: [9]).

Сокращение количества формомоделей, в соответствии с которыми осуществляется синтетическое падежное формообразование, в истории русского языка определялось преимущественно унификационным процессом, стимулированным тенденцией к ликвидации дублетности средств выражения падежно-числовых значений. Однако унификационному процессу противостояла тенденция к предотвращению семантически немотивированной омонимии единиц синтетического падежно-числового формообразования. В конце праславянской эпохи в связи с фонетическими и семантическими изменениями, определившими изменения в оформлении основного компонента и форматива, отношения между ними утратили мотивированный характер. Вследствие этого падежные формомодели утратили целостность как стандартизованные универсальные единицы формообразования. Сочетание основы с определенным формативом (флексией) не имело облигаторного характера, поэтому обнаруживалась избыточность флексий, которые варьировались при субстантивных основах. Унификационная перестройка единиц падежного словоизменения была обусловлена не только тенденцией к ликвидации избыточных флексий. Причиной этих процессов стали также поиски новых мотивационных основ, в соответствии с которыми могли быть усилены связи между компонентами падежно-числовых формомоделей, а сами формомодели могли бы снова приобрести свойства универсальных стандартов падежно-числового формообразования.

Для внутреннего усиления формомоделей и стандартизации формообразования необходимо было избрать новый, генеральный для субстантивного словоизменения критерий, который определял бы предсказуемые отношения между основой и флексией. Поскольку родовая отнесенность субстантивной основы определяла

флективное оформление словоформ согласуемого нечленного прилагательного, то это же значение могло стать тем критерием, который мотивировал флективное оформление собственно существительного. Способность системы языка бороться с разрушительными симптомами, преодолевать их влияние на синтетическое падежно-числовое формообразование свидетельствует о сильных позициях синтетизма в субстантивном словоизменении.

В современном русском языке достаточно распространенной является омонимия формоделей именительного и винительного, родительного и винительного. Такая омонимия характеризуется семантической нагруженностью и актуальностью как средство выражения категории одушевленности / неодушевленности.

Специфической для русского языка является широкая представленность такого типа омонимии, которым объединяются формодеи именительного, родительного и винительного с разными числовыми значениями.

Как известно, омонимия формоделей к основам мужского рода [субст. осн. м. р. + $\emptyset$ / им. п., ед. ч.]¹ – [субст. осн. м. р. + $\emptyset$ / вин. п., ед. ч.]² – [субст. осн. м. р. + $\emptyset$ / род. п., мн. ч.]³ преодолевается в результате вытеснения формодеи родительного множественного с нулевой флексией формоделем с флексией *-ов*. В современном русском языке омонимия падежных формоделей единственного и множественного числа обнаруживает ограниченную реализацию, поскольку словоформы родительного множественного с нулевой флексией образуются у существительных количественно ограниченных лексико-семантических групп. Однако даже в парадигмах этих существительных широко представлено вариативное формообразование родительного множественного – по формоделем с нулевой флексией и с флексией *-ов* [7, с. 125-128; 18, с. 499-500].

Последовательно преодолевается омонимия разночисловых формоделей именительного, родительного, винительного со структурой [субст. осн. м. р. + -а]: *инструктора – инструктора' / инструкторы, цеха – цеха' / цехи*. Омонимия разночисловых формоделей именительного, родительного, винительного со структурами [субст. осн. ср. р. + -а], [субст. осн. ж. р. + -и], [субст. осн. ж. р. + -ы] может преодолеваться в составе словоформ акцентологическими средствами, однако такой способ нейтрализации омонимии реализуется нерегулярно: *лица' – лица* и *боло́та – боло́та*, *руки' – руки* и *пу́ли – пу́ли*, *иглы' – иглы* и *фо́рмы – фо́рмы*.

Несмотря на нерегулярную нейтрализацию, тенденция к преодолению омонимии действует с определенной закономерностью и регулирует активизацию соответствующих средств для ее нейтрализации в тех случаях, когда омонимия может вызвать негативные последствия. Определяющим для реализации этой тенденции является обязательная дифференциация омонимии разночисловых формоделей и словоформ именительного и винительного у одушевленных существительных. Омонимия разночисловых формоделей именительного и родительного или родительного и винительного не вызывает нарушений в разграничении средств выражения субъектной и объектной семантики, поскольку словоформы родительного вследствие синтаксической транспозиции могут выражать как субъектное, так и объектное значения. Такая полифункциональность

родительного делает допустимой омонимию как с субъектным именительным, так и с объектным винительным и не оказывает стимулирующего влияния на активизацию тенденции к преодолению омонимии (см. таблицу).

Ед. число		Мн. число		Омонимия словоформ род. п.	Отношение к преодолению омонимии
Им. п.	Вин. п.	Им. п.	Вин. п.		
<i>директор сторож</i>	<i>директора сторожа</i>	<i>директора' сторожа'</i>	<i>директоров сторожей</i>	<i>директора сторожа</i>	Преодолевается регулярно
<i>солдат крестьянин</i>	<i>солдата крестьянина</i>	<i>солдаты крестьяне</i>	<i>солдат+ов крестьян</i>	<i>солдат+ов крестьян</i>	
<i>сестра няня</i>	<i>сестру няню</i>	<i>сёстры няни</i>	<i>сестёр нянь</i>	<i>сестры няни</i>	Преодолевается нерегулярно
<i>дочь лань</i>	<i>дочь лань</i>	<i>дочери лани</i>	<i>дочерей ланей</i>	<i>дочерей ланей</i>	Не преодолевается

В парадигме 3 склонений русского литературного языка устойчиво сохраняется омонимия родительного и дательного в единственном числе. Реальную оценку этого явления можно определить в соответствии с особенностями формообразования, которые проявляются в сферах общенародного языка, свободных от влияния нормативных требований, в частности в говорах и просторечии. Поскольку в диалектах русского языка наблюдается явление сближения парадигм 2 и 3 склонений [2, с. 188-189; 17, с. 75], это свидетельствует о том, что из двух парадигм, отождествляемых по родовому значению основ, более сильной оказывается та, в которой отсутствует омонимия. Таким образом, тенденция к преодолению омонимии реализуется и в этом случае, но в литературном языке ей препятствует устойчивость нормы.

Ситуация с нулевыми субстантивными флексиями в истории русского языка сложилась так, что каждая падежная парадигма, с учетом формоделей как множественного, так и единственного числа, включает одну формоделю с нулевой флексией, максимально – две соответственно выражению граммемы неодушевленности. Выделение одной позиции в составе парадигмы для формоделей с нулевой флексией свидетельствует о том, что в русском языке действует тенденция к парадигматическому, а не к синтагматическому определению граммемной отнесенности этих формоделей.

Факт формирования класса несклоняемых существительных из заимствованных слов, а особенно – из производных исконных, в типологическом плане был признан проявлением аналитизма в русском языке [15, с. 99-100; 16, с. 247-248 и др.]. Достаточно противоречивой представляется попытка совместить, с одной стороны, признание несклоняемых существительных манифестантами аналитизма, а с другой стороны, наличие у них парадигмы, образуемой омонимичными формами с нулевыми флексиями [10, с. 210; 18, с. 506]. При последовательном соблюдении тождества парадигматического принципа для всех случаев обнаружения флексии несклоняемые существительные следует признать бесфлексийными единицами. При этом синтаксическая реализация падежного, числового, родового значений не может

стать основанием для типологического противопоставления склоняемых и несклоняемых существительных, поскольку она в равной мере возможна и в равной мере факультативна как для склоняемых, так и для несклоняемых существительных. Если учесть, что разграничение синтетических и аналитических единиц может быть последовательно проведено на основании противопоставления компактной и расчлененной репрезентации формата [8], то несклоняемые существительные, вообще не имеющие грамматических форматов, могут соответствовать понятию об аморфных, а не об аналитических единицах. Таким образом, типологическое содержание вопроса о несклоняемых существительных в русском языке заключается в определении отношений между аморфными и синтетическими единицами.

Появление несклоняемых существительных определило становление новой типологической черты – аморфизма. Однако система русского языка не обнаружила пассивного отношения к такому типологическому нововведению. Несклоняемые существительные могут сохранять несоответствие синтетическому падежно-числовому формообразованию в тех случаях, когда идентификация таких существительных с субстантивными формообразователями оказывается невозможной или затрудненной. Если же создается возможность для такой идентификации, существительные приобретают потенциальную склоняемость, которая может быть реализована в речи или ограничена соответственно требованиям литературной нормы. Ср.: *Хитрово* и *Седых* [субст. основа м. р. на парный твердый согласный + $\emptyset$ им. п., ед. ч.] *Седых- $\emptyset$* , *Седых-а* и т. д., *такси* и (*простор.*) *бигуди* [субст. осн. + *-и* им. п., мн. ч.] – **бигуди*, **бигуд-ей* и т. д. Потенциальная склоняемость существительных более активно реализуется в тех формах существования русского языка, которые не испытывают ограничивающего влияния нормы. Литературная норма русского языка накладывает жесткие ограничения на использование таких возможностей.

Определенное несоответствие несклоняемых существительных системным особенностям русского языка могут преодолеваются и другими способами: употреблением производных склоняемых от несклоняемых сложносокращенных существительных (типа русского существительного *замдиректора*, *замминистра*... – **зам*, *зама*, *заму*...), сочетаемостью несклоняемых существительных с адъективными словами, со склоняемыми классификаторами (ср.: *язык эсперанто*, *языка эсперанто*, *языком эсперанто*...), однородными склоняемыми существительными (*автобусом* и *метро*; *с кашей* или *тюре*). Однако если учесть то, что, во-первых, ни один из этих способов регулярно не может использоваться, а во-вторых, то, что синтаксическая система не обнаруживает готовности к гарантированной дифференциации падежной семантики в условиях контекста, то, видимо, следует считать, что неизменяемые существительные, внося разнообразие в типологические свойства русского языка, не в состоянии существенно повлиять на типологический строй этих языков.

Выводы. Сокращение количества падежных флексий, преодоление омонимии формообразователей, ограничения, накладываемые на формообразователи с нулевыми флексиями, являются результатом реструктуризации системы синтетического субстантивного формообразования. Несклоняемые существительные не

обнаруживают той функциональной полноценности, которой обладают падежно-числовые словоформы. Последствия предшествующих изменений, тенденции, определяющие современное состояние падежно-числового формообразования, свидетельствуют о том, что оно представляет фрагмент с устойчивыми синтетическими свойствами в морфологической системе русского языка.

Список литературы

1. Бернштейн С. Б. Методы и задачи изучения истории значений и функций падежей в славянских языках / С. Б. Бернштейн. // Творительный падеж в славянских языках. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 5-40.
2. Бодуэн де Куртенэ И. А. Заметки об изменяемости основ склонения, в особенности же об их сокращении в пользу окончаний // И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 2. – С. 19-29.
3. Виноградов В. В. О грамматической омонимии в современном русском языке // В. В. Виноградов. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С. 13-32.
4. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
5. Вихованець І. Р. Частини мови в семантико-граматичному аспекті: [монографія] / І. Р. Вихованець. – К.: Наукова думка, 1988. – 256 с.
6. Горшкова К. В. Историческая грамматика русского языка / К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев. – М.: Высшая школа, 1981. – 359 с.
7. Граудина Л. К. Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов / Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. – М.: Наука, 1976. – 455 с.
8. Дубова О. А. Синтетизм та аналітизм: поняття і терміни / О. А. Дубова // Вісник КДЛУ. Серія Філологія. – Т. 4. – № 1. – К., 2001. – С. 99-110.
9. Дубова О. А. Формомодель як морфологічна одиниця-конструкт / О. А. Дубова // Мовознавство. – № 1. – К., 2002. – С. 46-54.
10. Зализняк А. А. Русское именное словоизменение: [монография] / А. А. Зализняк. – М.: Наука, 1967. – 370 с.
11. Кнорина Л. В. Освоение новых слов в связи с тенденцией русского языка к аналитизму / Л. В. Кнорина // Грамматика, семантика, стилистика. – М.: Ин-т русского языка РАН, 1996. – С. 61-67.
12. Крушевский Н. В. Очерк науки о языке (1883) / Н. В. Крушевский // Хрестоматия по истории русского языкознания / [под ред. Ф. П. Филина]. – М.: Высшая школа. 1973. – С. 417-433.
13. Леков И. Славянская категория падежа – грамматическая единица на объединенном (морфологическом и синтаксическом) уровнях / И. Леков // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. – М.: Наука, 1969. – С. 216-219.
14. Ломтев Т. П. О соответствии грамматических средств языковым потребностям взаимопонимания / Т. П. Ломтев // Вопросы философии. – 1953. – № 5. – С. 76-88.
15. Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка [учебное пособие] / И. Г. Милославский. – М.: Просвещение, 1981. – 254 с.
16. Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке / И. П. Мучник. – М.: Наука, 1971. – 298 с.
17. Образование северно-русского наречия и среднерусских говоров (по материалам лингвистической географии). – М.: Наука, 1970. – 456 с.
18. Русская грамматика: В 2 т. – Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – М.: Наука, 1980. – 783 с.
19. Тираспольский Г. И. Становится ли русский язык аналитическим? / Г. И. Тираспольский // Вопросы языкознания. – 1981. – № 6. – С. 37-49.
20. Чешко Е. В. История болгарского склонения: [монография] / Е. В. Чешко. – М.: Наука, 1970. – 320 с.
21. Якобсон Р. О. Морфологические наблюдения над славянским склонением (состав русских падежных форм) / Р. О. Якобсон // Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – С. 176-197.
22. Якубинский Л. П. История древнерусского языка / Л. П. Якубинский. – М.: Учпедгиз, 1953. – 368 с.

Дубова О. А. **Теорія аналізації і російська відміна** // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63). – № 4. Частина 2. – С.17-23.

У статті доводяться, що відмінково-числове формотворення являє собою фрагмент зі стійкими синтетичними властивостями в морфологічній системі російської мови. Скорочення кількості відмінкових флексій, подолання омонімії відмінково-числових формоделей, обмеженість відмінкових формоделей з нульовими флексіями – все це розглядається як результати реструктуризації системи синтетичного відмінкового формотворення. Невідмінювані іменники не виявляють функціональної повноцінності і не можуть бути визнані явищем, що визначає перспективи типологічних змін у системі синтетичного відмінкового формотворення.

Ключові слова: аналітизм, відмінково-числове формотворення, невідмінювані іменники, синтетизм, формомодель.

Dubovaja E. **Analytic theory and russian case** // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series «Filology. Social comunicatios». – 2011. – V. 24 (63). – № 4. Part 2. – P.17-23.

The article describes that case-number forming is a fragment with persistent synthetic properties in the morphological system of the Russian language. Reduction in the number of case inflexions, overcoming case-number formomodels of Homonymy, limited formomodels with zero inflexions – all this is assessed as a result of restructuring of the synthetic system of forming a substantive. Indeclinable nouns do not exhibit functional usefulness and can not be recognize as fact that determines the prospects of typological changes in the synthetic system of forming a substantive.

Key words: analytism, case-number forming, indeclinable nouns, synthetism, formomodels.

Поступила в редакцію 19.09.2011 г.